

СОДЕРЖАНИЕ

<i>П.Н. Лебедев</i> Предисловие	9
<i>Е.В. Булычева</i> Ксенофонт как историк и писатель в трудах античных авторов	11
<i>Е.С. Данилов</i> Античные стратегемы как форма выражения исторической мысли	19
<i>И.Е. Ермолова</i> Аммиан Марцеллин в контексте эпохи	32
<i>А.И. Сидоров</i> Историзирование священных текстов: к вопросу о нарративной природе каролингской книжной миниатюры	40
<i>Е.Д. Браун</i> Войны Роз в «Истории жизни и достижений Генриха VII» Бернара Андре	55
<i>М.В. Кущева</i> История одного преступления: убийство герцога де Гиза в коллективной памяти французов	69
<i>Д.А. Кирилов</i> Влияние кризиса британской идентичности на развитие английской историографии XVIII в.	92
<i>С.Г. Петрова</i> Исследование статусов легендарных императоров в трудах Цуй Шу	105
<i>В.В. Ткаченко</i> «Как деяния должны были совершаться»: идея исправления истории в русской литературе XVIII в.	112

<i>М.В. Батиев</i>	История Германии в путевых записках русских путешественников конца XVIII – первой трети XIX в.	122
<i>О.А. Кашинская</i>	Очерковый стиль изложения биографии Павла I в произведениях Д.Ф. Кобеко и Н.К. Шильдера	133
<i>А.Н. Комаров</i>	Специфика подхода к истории Канады в работах франко-канадского историка первой половины XIX в. Ф.К. Гарно	140
<i>Н.В. Ростиславлева</i>	Вызовы безопасности и идентичность: В.М. Фриче в годы Первой мировой войны	148
<i>Д.В. Гущина</i>	Образ коллективизации в «Котловане» Андрея Платонова: культурные контексты	155
<i>Е.Н. Ратникова</i>	История сквозь призму мистического опыта (на материале творчества Даниила Андреева)	170
<i>О.В. Саприкина</i>	Особенности биографического метода профессора Л.П. Лаптевой на примере исследования научной деятельности академика В.И. Ламанского	184
<i>А.В. Тарасова</i>	Коллективная память и телевидение: рассказ о создании национальной системы письма в историческом сериале «Дерево с глубокими корнями» (Республика Корея, 2011)	198
<i>К.А. Соловьев</i>	Историко-культурный стандарт в контексте российской исторической политики	212
<i>М.В. Маслюкова</i>	Общество как актер памяти: монументальные формы мемориализации жертв политических репрессий в Москве	228

CONTENTS

<i>P. Lebedev</i>	
Foreword	9
<i>E. Bulycheva</i>	
Xenophon as a Historian and a Writer in the Works of Ancient Authors	11
<i>E. Danilov</i>	
Ancient Stratagems as a Form of Historical Thought	19
<i>I. Ermolova</i>	
Ammianus Marcellinus in the Historical Context	32
<i>A. Sidorov</i>	
Historicizing Sacred Texts: On the Narrative Nature of the Carolingian Book Miniature	40
<i>E. Braun</i>	
The Wars of the Roses in Bernard Andre’s “History of Henry VII”	55
<i>M. Kushcheva</i>	
The History of One Crime: The Assassination of Duc of Guise in the Collective Memory of the French	69
<i>D. Kirilov</i>	
The Impact of the Crisis of British Identity on Development of English Historiography of the 18 th Century	92
<i>S. Petrova</i>	
Research of the Standings of the Legendary Emperors in the Writings of Cui Shu	105
<i>V. Tkachenko</i>	
“How the Deeds Had to be Committed”: The Idea of Correcting History in 18 th - century Russian Literature	112

<i>M. Batshev</i>	History of Germany in Travel Notes of Russian Travelers of the End of 18 th – the First Third of 19 th Centuries	122
<i>O. Kashinskaya</i>	Ocherkovy Style of Narration of the Biography of Paul I in D.F. Kobeko’s and N.K. Shilder’s Works	133
<i>A. Komarov</i>	The Specific of the Approach to the History of Canada in the Papers of the French-Canadian Historian of the First Half of the 19 th Century François-Xavier Garneau	140
<i>N. Rostislavleva</i>	Challenges of Security and Identity: V.M. Friche in the Years of the First World War	148
<i>D. Gushchina</i>	The Image of Collectivization in the “The Foundation Pit” by Andrei Platonov: Cultural Contexts	155
<i>E. Ratnikova</i>	History Through the Prism of Mystical Experience (Based on the Works of Daniel Andreev)	170
<i>O. Saprikina</i>	Features of the Biographical Method of Professor L.P. Lapteva on the Example of Research Activities of Academician V.I. Lamansky	184
<i>A. Tarasova</i>	Collective Memory and Television: How the Creation of a National Writing System is Narrated in the Historical TV-series “Deep Rooted Tree” (Republic of Korea, 2011)	198
<i>K. Solovyov</i>	The Historic-Cultural Standard in the Context of Russian Politics of Memory	212
<i>M. Maslyukova</i>	Society as an Actor of Memory Policy: Monumental Forms of Memorialization of Victims of the Political Repressions in Moscow	228

ПРЕДИСЛОВИЕ

Стремление сохранить и передать память о прошлом универсально для всех человеческих сообществ во все времена. В рамках конкретных традиций и культур интерес к прошлому проявляется в разной степени, знание о прошлом фиксируется в различных формах и истолковывается в зависимости от актуальных для той или иной группы задач. Огромное значение при этом имеет то обстоятельство, кто и как повествует о прошлом, когда и зачем осмысливается исторический опыт того или иного общества, под влиянием каких идей и в каком контексте происходит трансляция исторического знания.

Согласно известному афоризму американского журналиста и писателя Франклина Пирса Джонса, «наверное, никто не изменил так сильно ход истории, как сами историки». С этим утверждением крайне сложно спорить, так как личность историка оказывает огромное влияние на процесс и на результат исторического исследования, которое в своей сущности может быть сведено к проблеме понимания одним человеком других людей. Возможность понять прошлое, увидеть другую картину мира, посмотреть чужими глазами сильно зависит от кругозора историка, исследовательской оптики, профессиональной культуры и множества субъективных факторов. При этом результат работы историка всегда будет конструкцией, наполненной определенным набором смыслов и открытой для дальнейшего осмысления и/или реинтерпретации.

Но только ли историки пишут историю и являются носителями исторического знания? Ученый и писатель, художник и музыкант, политик и телеведущий, преподаватель и студент, телезритель и читатель, посетитель музея и прохожий на улице, горожанин и крестьянин — каждый человек в той или иной степени участвует в процессе сохранения, передачи и преобразования исторической информации. Изучение особенностей формирования исторической памяти и исторического нарратива, рефлексия над своей деятельностью позволяют историку более гибко настраивать исследовательскую оптику и воспринимать возможности и пределы научного познания своего объекта — человека во времени.

16–17 мая 2019 года состоялась всероссийская конференция «Память и идентичность – II. Кто пишет историю: особенности формирования исторического нарратива», организованная кафедрой

всеобщей истории и кафедрой древних языков Российского государственного гуманитарного университета. В работе конференции приняли участие научные сотрудники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты, собравшиеся для обсуждения проблем истории историописания, взаимодействия истории и литературы, разнообразия форм выражения исторической мысли, развития public history и многих других. Принципиальным решением организаторов был отказ от жесткого определения хронологических рамок тематического поля конференции и распределения докладов по секциям на основе хронологии или региональной специализации.

Работа конференции была организована по секциям: «Историк и его время: историописание в контексте эпохи», «Не только историки: формы выражения исторической мысли» и «Власть, общество, память: историческая политика и публичная история». В рамках секций оказались объединены доклады по всеобщей и отечественной истории, по истории античности и новейшего времени, про английское средневековое историописание и «места памяти» советского музыкального андеграунда, про каролингские иллюминированные кодексы и южнокорейский телесериал XXI в., о древних художниках и о современных пользователях YouTube. Главным критерием для распределения стали созвучность проблематики докладов и сонаправленность исследовательского ракурса. Опыт проведения конференции в таком формате представляется удачным и, с точки зрения организаторов, подобный подход позволяет преодолевать присущую ряду исторических направлений цеховую замкнутость и способствует взаимному обогащению находками в области методологии исследований.

Читателю представленного сборника предлагается составить собственное мнение о возможности объединить в калейдоскопе единой исследовательской оптики разноцветное стекло опыта различных исследователей, обращающихся к разным историческим эпохам, регионам, проблемам и типам источников.

*Председатель оргкомитета конференции
П.Н. Лебедев*

Ксенофонт как историк и писатель в трудах античных авторов

Аннотация. Ксенофонт — известный древнегреческий автор, труды которого являются прекрасным источником по истории Древней Греции классического периода. Его деятельности посвящено большое количество исследований современных авторов. Цель настоящей статьи — представить отношение к трудам Ксенофонта античных авторов. Важно представлять взгляды греков и римлян на труды своего предшественника. Это позволяет определить характер понимания античными гражданами своего прошлого, их отношение к тем людям, которые занимались историописанием. Античные авторы обращали внимание на факты из биографии Ксенофонта, по-разному рассказывая о некоторых событиях из его жизни. Их также интересовал характер его повествования. Греческие и римские авторы (Страбон, Дионисий Галикарнасский, Цицерон) по-разному оценивали его мастерство как писателя и историка. Но в целом все они отмечали, что труды Ксенофонта являются ценным историческим наследием и образцом для подражания.

Ключевые слова: Ксенофонт, писатель, историк, объективность, античные авторы, повествование, оценка

E.V. Bulycheva

Xenophon as a Historian and a Writer in the Works of Ancient Authors

Abstract. Xenophon is a famous ancient Greek author whose works are an excellent source of the history of Ancient Greece of the classical period. His work is devoted to a large number of studies of

modern authors. The purpose of this article is to present the attitude to the works of Xenophon by ancient authors. It is important to represent the views of the Greeks and Romans on the works of his predecessor. This allows us to imagine the nature of the understanding of ancient citizens of their past, their attitude to those people who were engaged in historiography. Ancient authors paid attention to the facts from the biography of Xenophon, telling in different ways about events of his life. They were also interested in the nature of his narrative. Greek and Roman authors (Strabo, Dionysius of Halicarnassus, Cicero) differently evaluated his skill as a writer and historian. But in general, they all noted that the works of Xenophon are a rich historical heritage and a role model.

Keywords: Xenophon, writer, historian, objectivity, ancient authors, narrative, evaluation

Ксенофонт — выдающийся мыслитель и историк Древней Греции, которому посвящено большое количество работ в современной историографии¹. При этом исследователи, как правило, приводят свои собственные подробные комментарии о жизни и деятельности Ксенофонта, недостаточно обращая внимание на то, какое отношение было к нему со стороны античных авторов. В связи с этим цель настоящей статьи — представить отношение к Ксенофону греческих и римских авторов, показать их взгляды на его жизнь и творчество. Безусловно, сделать это весьма непросто, поскольку не все труды этих авторов сохранились, многие из имеющихся в нашем распоряжении сведений отличает фрагментарный характер.

¹ См., например: *Grote G.* Plato and the other companions of Socrates. London: Murray, 1865. P. 578; *Hatzfeld J.* Note sur la date et l'objet du Hieron de Xenophon // *Revue de Etudes Grecques.* 1946–1947. Т. 59–60. P. 54–70; *Lucconi J.* Les idees politiques et sociales de Xenophon. Paris: Ophrys, 1947; *Delebecque Ed.* Essai sur la vie de Xenophon. Paris: Klincksieck, 1957. P. 411–421; *Wood N.* Xenophon's Theory of Leadership // *Classica et Medievalia.* 1964. Vol. 25. P. 33–66. *Фролов Э.Д.* Ксенофонт и поздняя тирания // *Вестник древней истории.* 1969. № 1. С. 10–22; *Соболевский С.И.* Ксенофонт, его жизнь и сочинения // *Воспоминания о Сократе.* М.: Наука, 1993. С. 265–275; *Шушко Е.П.* Политические идеалы Ксенофонта // *Проблемы античной истории.* СПб.: Наука, 2003. С. 171–184.

Прежде всего античных авторов, как и современных исследователей, интересовали биографические факты жизни Ксенофонта, которые были весьма противоречивы. Античные авторы представляли разные данные о фактах из биографии Ксенофонта. Основной спор вызывал вопрос о времени его первой встречи с Сократом и его участии в событиях Пелопоннесской войны.

Так, Диоген Лаэртский в своей знаменитой работе «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» сообщает, что Ксенофонт участвовал в битве при Делии и его спас Сократ (II.5.22). В знаменитом «Пире» Платона Алкивиад повествует о том, что Ксенофонт был спасен в битве при Потидее в 432 г. до н. э. (221 А). При этом он не упоминает о спасении Сократом Ксенофонта, что наводило некоторых ученых на мысль о том, что Сократ не спасал Ксенофонта и он, возможно, вообще не участвовал в каких-то крупных сражениях Пелопоннесской войны. Возможно, что Платон не приводит в своем повествовании имя Ксенофонта, поскольку, по мнению древних авторов, между ними могла существовать вражда, и Платон достаточно негативно относился к Ксенофону. Об этом высказывали свое предположение Афиней (XI. 540 E), Диоген (III.34), Авл Геллий (XVI.3). Действительно, это могло быть весьма объективное предположение, поскольку Платон в своих сочинениях ни разу не упоминает Ксенофонта, а Ксенофонт всего лишь раз, да и то вскользь упоминает Платона в «Воспоминаниях о Сократе» (III.6.1). При этом трудно определить причину неприязни знаменитых авторов друг к другу. Возможно, она могла быть связана с их различными социально-политическими взглядами, а также желанием считаться лучшим учеником Сократа.

У Страбона также нет сомнений в том, что Ксенофонт участвовал в битве при Делии и был раненым вынесен из боя Сократом. В частности, Страбон пишет: «Во время бегства увидев Ксенофонта упавшим с лошади и лежавшим, Сократ взял его на плечи и спас на много стадий, пока не прекратилось бегство» (IX.7). Античные авторы были едины во мнении, что Ксенофонт участвовал в походе персидского сатрапа Малой Азии Кира, что отразилось в его «Киропедии». В частности, об этом сообщает Диоген Лаэртский (VI.8). Авторы также отмечали, что переход

Ксенофонта на сторону Спарты, его служение спартанскому царю Агесилаю рассматривалось в Афинах как предательство, измена родине.

Так, Диоген Лаэртский передает сведения об этом отношении, имеющиеся в речи Динарха «Об измене Ксенофонта». К сожалению, до нашего времени эта речь не сохранилась, но, судя по сообщению Диогена, афиняне были возмущены поведением Ксенофонта. Античные авторы отмечают, что граждане Афин не могли простить Ксенофонту его неприятие демократии и особое уважение к олигархии и даже тирании². У Афинянина встречается сообщение о том, что Ксенофонт побывал в гостях у сицилийского тирана Дионисия (X.31). Правда, неизвестно, о каком тиране идет речь — Дионисии Младшем или Старшем.

Таким образом, мы можем заметить, что большинство античных авторов обращают внимание на биографию Ксенофонта в связи с его участием в политике или отношениями с Сократом. Эти сообщения достаточно скудные, многие авторы ссылаются на других писателей или историков в качестве подтверждения своих слов. В некоторых случаях древние авторы, говоря о событиях из жизни Ксенофонта, напоминают современных журналистов, составляющих очерки для бульварной прессы. Так, Диоген Лаэртский неожиданно делает отступление, повествуя об интимных подробностях из жизни Ксенофонта (VI.8). Он ссылается на Аристиппа, говоря, что у этого автора в книге «О роскоши древних» (IV) рассказывается о том, что Ксенофонт был влюблен в некоего юношу Клиния и ради этой любви был готов бросить занятия многими важными делами. Такой характер повествования при описании жизни известных людей был характерным для античного времени. Достаточно вспомнить сочинение Гая Светония Транквилла «Жизнь двенадцати Цезарей», в котором описание политической деятельности императоров Рима сочетается с повествованием об их личной жизни.

Отношение античных авторов к характеру повествования Ксенофонта, описанию им различных событий и стилю изложения так же неоднозначно. Как и современные исследователи, античные авторы старались определить степень объективности его

² Фролов Э.Д. Указ соч. С. 12.

повествования³. Прежде всего античные историки обращали внимание на характер описания похода Кира в труде Ксенофонта «Анабасис» и его рассказы о спартанском политическом устройстве. В «Анабасисе» Ксенофонт подробно рассказывает о знаменитом походе греческих наемников в составе персидского войска царя Кира против его брата Артаксеркса.

При этом у древних авторов не вызывает сомнений большая часть повествования Ксенофонта. В частности, не вызывает сомнения, что он объективен, рассказывая, что участвовать в походе его позвал приятель Проксен, которого, по словам Ксенофонта, в поход вела надежда «приобрести громкое имя, большое влияние и много денег» («Анабасис». II.6.17). Диоген Лаэртский считает эти сведения вполне правдоподобными (II.6.56). В то же время античные авторы ставили под сомнение замечание Ксенофонта о том, что в войске Кира «он не был ни стратегом, ни рядовым» (III.1.326). Вряд ли он был при войске Кира человеком, который не занимался военным делом. Возможно, что Ксенофонт являлся советником Кира или выполнял еще какие-то военные или дипломатические обязанности.

Древние авторы также обращали внимание на не вполне исторический характер «Киропедии», считая её скорее художественным, чем историческим сочинением. Так, Цицерон в «Письме к брату Квинту» (I.23) высказывает следующее суждение: «Ксенофонт написал своего знаменитого “Кира” не исторически верно, а с целью дать картину справедливой власти, чрезвычайная строгость которой у философа сочетается с редкостной добротой». Это высказывание Цицерона показывает, что римский оратор ценил Ксенофонта, в первую очередь, как прекрасного мыслителя, философа, а не историка. Характерно, что подобный взгляд Цицерона впоследствии весьма приветствовался и поддерживался в немецкой историографии⁴.

При этом отечественные авторы не всегда соглашались с такой позицией. Так, И.М. Дьяконов отмечает, что «Киропедия»

³ *Lucconi J.* Op. cit. P. 152.

⁴ *Hertlein F.K., Nitsche W.* Einleitung // Xenophons Cyropädie. Bd. I. 4. Berlin: Weidmann, 1886. S. 6.

Ксенофонта является весьма важным историческим трудом, из которого можно почерпнуть ценные сведения не только по греческой, но и по древневосточной истории⁵. Определяя степень объективности Ксенофонта при описании событий спартанской истории, античные авторы отмечали некоторую противоречивость в повествовании Ксенофонта. С одной стороны, он старался возвеличить спартанское государство, отмечая справедливый характер правления и восхищаясь олигархическим строем. Эту особенность его описания отмечает Диоген Лаэртский, ссылаясь также на других античных авторов, труды которых не дошли до нашего времени («О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», VI). С другой стороны, античные авторы обращают внимание на то, что Ксенофонт, несмотря на его особое отношение к Спарте, старался быть объективным. Так, Аристотель отмечает, что у Ксенофонта встречаются высказывания о том, что спартанцы лишь на словах демонстрировали свое стремление к уравнительности и аскетизму, на самом же деле среди них процветала безудержная страсть к деньгам (Pol. II.6.5–7.1269b).

В целом, как мы видим, античные авторы признавали некоторую субъективность Ксенофонта при описании политической истории. Однако уже в античности Ксенофонта считали прекрасным специалистом по экономической истории. Его труды «Домострой» и «О доходах» являлись пособием по изучению экономических вопросов. Ксенофонт как специалист по экономической истории признавался уже античными авторами. Древнеримский историк, мыслитель и экономист Плиний Старший отмечает, что Ксенофонт прекрасно разбирается в особенностях посева зерновых культур и дает правильные советы по поводу их выращивания на греческой земле («Естественная история, XVIII). Плиний отмечает эрудицию Ксенофонта по ряду вопросов, восхищаясь его знанием почв и условий их возделывания. Действительно, некоторые подробности, которые передает Ксенофонт о возделывании земледельческих культур точно совпадают с инструкциями арендаторам священных земель, которые сохранились в договорах об аренде из Аттики

⁵ Дьяконов И.М. История Мидии. М.–Л.: Наука, 1956. С. 28.

IV в. до н. э.⁶ Все это доказывает, что Ксенофонт был блестящим знатоком греческой экономики и в этом вопросе его нельзя заподозрить в субъективности.

Отношение античных авторов к литературной деятельности Ксенофонта, его оценке как писателя, также неоднозначно. Дион Христом представляет весьма восторженный отзыв о литературном стиле Ксенофонта, особо отмечая его дар создавать речи своих героев («Речи», XVIII). Он приводит Ксенофонта в пример другим авторам, говоря, что его стиль достоин подражания, и причисляя его к авторам, на примере которых следует учиться будущим ораторам. В частности, он пишет: «мысли его ясны, просты, для всякого доступны; способ выражения мягок, приятен, увлекателен, много в нем силы убеждения» (XVIII). По мнению Диона Христора у Ксенофонта прекрасно излагаются мысли великих полководцев, дипломатов и политиков. Его описания и речи, которые он вкладывает в уста своих героев, дают возможность лучше представить характер и образ мысли его героев.

У Дионисия Галикарнасского несколько иное мнение о литературной деятельности Ксенофонта. Он отмечает, что речь его, хотя и приятна в высшей степени, но не так красива, как должна быть («О сочетании слов», X). Дионисий Галикарнасский упрекает Ксенофонта в том, что тот не придает речам своих героев особый колорит, который должен отличать характер одного героя от другого. Например, необразованным и варварам он часто вкладывает в уста речи, которые им совершенно не свойственны (IV.18–19). Римский оратор Цицерон также считает, что речь Ксенофонта не годится для подражания оратору. Однако при этом он отмечает, что речь Ксенофонта слаще меда, а его языком могли говорить Музы («Оратор», IX.32; XIX.62). Краткий, но весьма восторженный отзыв о художественном таланте Ксенофонта оставил в своих речах оратор Квинтилиан, который замечает, что «сами Грации сложили его речь» (X.1.82).

Таким образом, на основании всего вышесказанного можно прийти к некоторым выводам. Античные авторы отмечают талант

⁶ Булычева Е.В. Древняя Атика в V–IV вв. до н. э. Распоряжение общественной землей в полисе. М.: РГГУ, 2018. С. 63.

Ксенофонта, считая его прекрасным мыслителем и знатоком греческой экономики. Оценивая исторические сочинения Ксенофонта, они отмечают некоторую субъективность в его изложении, которая в целом не препятствует тому, чтобы считать его произведения весьма ценным наследием прошлого, прежде всего при изучении походов малоазийского сатрапа Кира и спартанского государства. На наш взгляд, очень важно изучать взгляды античных авторов на труды их современников или предшественников, поскольку это дает возможность более полно представить характер историописания в древности, понять отношение граждан Греции и Рима к своему прошлому.

Информация об авторе.

Елена Владимировна Булычева, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; bulychevalena@yandex.ru

Information about the author.

Elena V. Bulycheva, Ph.D. in History, associate professor of the Department of World History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bulychevalena@yandex.ru

**Античные стратегемы
как форма выражения исторической мысли**

«Ἰδέαις δὲ ἐνέχεται τὸ στρατήγημα τρισίν, ἀσφαλεῖ,
παραβόλῳ καὶ τῷ ἐκ τούτων μικτῷ»
(Clem. Alex. Strom. I. 24. 160)

Аннотация. В статье ставится задача проследить ситуативное словоупотребление лексемы «стратегема» в сочинениях двух писателей эпохи заката Римской республики и становления принципата, Диодора из Агирия и Валерия Максима. Автором определены наиболее популярные античные политики и полководцы, связанные с использованием военных хитростей. Проведено эпизодическое сопоставление с трудами Фронтинуса и Полиэна. Выделены отличия классической стратегемы от исторического нарратива: краткость; почти полное отсутствие риторической обработки, морализаторского пафоса и оценочных суждений; сглаженная эмоциональная окраска.

Ключевые слова: античность, война, полководец, история, стратегема

E.S. Danilov

Ancient Stratagems as a Form of Historical Thought

Abstract. The article attempts to trace the use of lexical item “stratagem” in works by two writers of the Late Republic and Early Principate — Diodorus Siculus and Valerius Maximus. The author identifies the most popular ancient politicians and generals related to the use of stratagems, compares books of the above-mentioned authors with works by Frontinus and Polyaeus, distinguishes the classical stratagem differences from historical narratives: brevity; almost entire absence of

rhetoric adaptation, moralizing pathos, and value judgments; smooth sentiments.

Keywords: Classical antiquity, war, chieftain, history, stratagem

Слово «στρατήγεια» означает уловку полководца, неожиданный маневр, военную хитрость¹. Его привычно можно встретить у древних авторов военных наставлений. Например, при изложении основ полиоркеттики (*Philo Mech. Parasc. IV.74 de Rochas; Onasand. XLII.12*) и тактики (*Ps.-Mauric. Strat. VIII B.49*). В античный период, по-видимому, создавались многочисленные сборники стратегем. Однако мы располагаем только двумя произведениями, относящимися к этому жанру. Это труды Секста Юлия Фронтинана и Полиэна². В то же время сам по себе, указанный термин и грамматические производные от него довольно часто употреблялись в классической литературе неутилитарного характера³. Рассмотрим на примере сочинений Диодора Сицилийского и Валерия Максима значение стратегем в контексте освещения событий прошлого.

Считается, что в основе любого набора стратегем лежат жанры историографии, биографии и парадигм или *exempla*, коллекции примеров⁴. Обратим внимание на несколько пассажей из «Исторической библиотеки» Диодора. Он использует ряд выражений для обозначения «хитрости» — *τό ἀπάτημα* (*Diod. IV.9.1, 3; XX.30.1*),

¹ *Стρατήγεια*: *σόφισμα ἢ τοῦ στρατοῦ ἡγεμονία ἢ κατόρθωσις* (*Suda*, σ 1167). Ближайшие синонимы, согласно тому же лексикону: *τό μηχανήμα* / ловушка, средство, ухищрение (ε 986, μ 1018) и *τό ψεῦδος* / обман, хитрость, уловка (ψ 57).

² *Нефёдкин А.К.* Античная военная теория и «Стратегемы» Полиэна // Полиэн. Стратегемы. СПб.: Евразия, 2002. С. 46; *Wheeler E.L.* Polyaeus: Scriptor Militaris // Polyainos. Neue Studien / Hrsg. von K. Brodersen. Berlin: Verlag Antike, 2010. S. 19.

³ Вот лишь некоторые примеры: *Xen. Mem. III.5.22; Isoc. XII.78, XV.122; Polyb. III.18.9; Cic. Att. V.2.2; Dionys. Ant. Rom. III.55.4, VIII.84.3; Joseph. A.J. II.245, VII.192, XIV.392, B.J. I.511, J.Vit. 379; Dio Chrys. Orat. XI.148; Plut. Phil. VI.7; App. VI.11.62, VII.3.15, 7.41, XIV.11.79; Paus. IV.21.8, VII.13.6, VIII.8.9; Dio Cass. LVII.5.5; Serv. Aen. XII.744; Synes. Aegypt. II.3.5.*

⁴ *Ксенофонтов А.Б.* Полиэн и его «Стратегемы»: греческий писатель в римском мире // Полиэн. Стратегемы... С. 21.

τό δόλωμα (IV.50.5), ἡ μηχανή (XIV.55.1, XXX.15.1), ἡ πανουργία (III.35.4), τό τέχνασμα (XI.84.4, XVII.44.1, XXIII.10.1).

Образчики именно стратегем начинаются с описания греко-персидского противостояния. Диодор, в частности, сообщает, что Фемистокл за счет использования двух стратегем (отправки ложных перебежчиков к Ксерксу) доставил преимущества грекам в морском сражении при Саламине (*Diod.* XI.19.6, 59.2). Следующие две хитрости афинянина, которые удостоилась упоминания, связаны с обманом спартиатов, строительством стен и порта родного города после победы над Ксерксом (XI.40.4, 43.1). Допустимо предположить, что рассказы о находчивости Фемистокла были популярны задолго до Диодора⁵. Так, историк IV в. до н. э. Клидем даже внутривосточную хитрость (но в условиях военного времени) архонта именует стратегемой (*FGrH* 323 F 21; *Plut.* Them. X.4). Список подвигов полководца у Фронтинуса почти идентичен диодоровскому (I.1.10, 3.6, II.2.14, 6.8). У Полиэна раздел про Фемистокла один из самых объемных (I.30).

Спартанский царь Леонтихид II, еще не зная о победе при Платеях, воодушевил своих воинов на успех при Микале, объявив в театральной манере греческому флоту об удаче Аристиды и Павсания (*Diod.* XI.35.3). Этот пассаж полностью соответствует единственному упоминанию лакедемонянина у Фронтинуса (I.11.7) и Полиэна (I.33).

Стратегема Кимона ассоциируется у Диодора с переодеванием греческих воинов в персидскую одежду, захваченную на Кипре, и нападением на варварский лагерь у Эвримедонта (*Diod.* XI.61). Впрочем, сам Кимон, по версии Иона Хиосского, своей лучшей стратегемой считал дележ добычи после захвата множества пленных персов в Сесте и Византии. Союзники тогда забрали себе наряды и украшения противников, афиняне же — людей, которые за золото были выкуплены родственниками (*FGrH* 392 F 13; *Plut.* Cim. IX.2). Заметим, что рассказ Диодора о памфилийском сражении полнее, чем у Корнелия Непота

⁵ Как писал Цицерон, «у Ликурга и Солона не отнять славы законодателей, а у Фемистокла и Эпаминонда — славы доблестных воителей» (*Cic.* Tusc. I.110. Пер. М.Л. Гаспарова).

(Vir. ill. V.2). Плутарх о переодевании не упоминает (Сim. XII). Фронтин пересказывает малоазийскую историю в версии Диодора (II.9.10), но вместо «байки» Иона вставляет новую стратегему о кампании Кимона в Карию (III.2.5). Полиэн переписывает обе стратегемы. Повествование о дележе добычи он ожидаемо сокращает (I.34.2), а в эпизоде с использованием чужой амуниции путает последовательность событий (I.34.2): Кимон будто бы плывет из Памфилов на Кипр, а не наоборот.

Иранцы не остались в накладе. Артабаз и Мегабиз, подданные Артаксеркса I, избегая прямых столкновений и используя военные хитрости, вытеснили афинян из Египта (*Diod.* XI.77.2–5). Из этого тандема внимания в дальнейшем добился только сатрап Фригии. Освещаются более ранние действия Артабаза в Греции под началом Ксеркса (*Polyaen.* VII.33). Родосец Ментор, полководец Артаксеркса III, ведя боевые действия в Египте, ловко распускал слухи. Его действия опять же характеризуются как военные хитрости, поскольку способствовали укреплению персидского господства (*Diod.* XVI.49.7–8). К стратегемам Диодор относит и операцию Ментора по захвату в плен Гермия, тирана Атарнея (XVI.52.5–8).

Стратегема Алкивиада против Миндара способствовала победе афинского флота при Абидосе (*Diod.* XIII.50.4). Этот аристократ был у военных теоретиков не меньшим любимцем, чем Фемистокл⁶. Засада на Геллеспонте, которую он спланировал для спартанского военачальника, описана без деталей Фронтином (II.5.44). Изложение событий у Полиэна (I.40.9) подробнее и больше соответствует тексту Диодора.

В отдельных местах (*Diod.* XI.21–25, 67.2; XIII.59.5; XXXVII.1.3) превозносится военное мастерство сиракузского тирана Гелона в битве с карфагенянами при Гимере. Масштабному сражению предшествовал обман. Из перехваченного письма стало известно, что Гамилькару необходима помощь конницы союзного Селинунта. Гелон замаскировал своих воинов под греков из этого полиса. Всадники тирана были допущены в карфагенский лагерь,

⁶ Как считается, одна из рекомендаций в средневековой «Тактике Льва» (XX.145) основана на стратегеме Алкивиада (*Polyaen.* I.40.3).

где убили Гамилькара и подожгли корабли. Диодор подчеркивает, что подобную стратегему до Гелона никто не использовал, и в плане успешности сравнивает ее с интригой Фемистокла (XI.22.6–23.1). Геродот на этот счет менее красноречив (VII.166–167). Фронтин передает совершенно другую хитрость Гелона, которую нельзя назвать оригинальной (I.11.18)⁷. Полиэн же именует предводителя карфагенян Гамильконом, более того — царем, и описывает его смерть от сиракузских лучников, которые изображали священную процессию (I.27.1–2).

Агафокл, правитель всей Сицилии, приобрел репутацию находчивого человека за счет своих хитрых выдумок. К его стратегемам Диодор причисляет эпизоды с ночной вылазкой под Гелой (XIX.4.7), осадой Гадрумета (XX.17.4–5), морской схваткой с карфагенянами при попытке направиться на помощь к осажденному сыну Архагату (XX.61.6). Образ Агафокла у Фронтинна количественно и качественно тусклее (I.12.9). Чего не скажешь про Полиэна. Последний не только не следует за Диодором, но и рисует Агафокла в большей степени борцом с внутренней оппозицией, чем с внешними врагами (V.3,15,37, VI.41.1).

Карфагенский полководец Ганнон на Сицилии одной стратегемой уничтожил явных врагов и недовольных из собственного лагеря (*Diod.* XXIII.8.3). Подробности этого события, к сожалению, оказались утеряны. Зато у Фронтинна (III.16.3) описано как пуниец избавился от мятежных наемников-галлов, направив их в римскую засаду. Тот же автор еще несколько раз упоминает Ганнона (I.5.27, II.3.1). Полиэн раскрывает совершенно другой эпизод, в котором Ганнону удалось уйти от Дионисия Старшего, сняв со своих кораблей паруса и, когда эту же операцию проделал противник, неожиданно быстро их прикрепив (V.9). Скорее всего, в последних трех отрывках имеются в виду разные кампании и военачальники с одним распространенным именем.

Кстати, карфагеняне тоже опасались стратегем Дионисия I (*Diod.* XV.16.1). Дионисий II в большей степени хитрил, чтобы

⁷ Демонстрация хилых пленных призвана убедить войско, что враги достойны жалости и презрения (*Polyb.* III.62; *Front.* Strat. I.11.17; *Ps.-Mauric.* VII A.5).

вернуть власть над Сиракузами (XVI.11.4)⁸. Против него использовал стратегемы шурина Дион (XVI.13.2).

Ганнибал, один из карфагенских полководцев, не позволил Гиерону II разгромить мамертинцев, осажденных в Мессине. Он лестью усыпил бдительность тирана, а сам ввел в город подкрепление наемникам (*Diod. XXII.13.7*). В одном из фрагментов, относящемся, скорее всего, к Гамилькару Барке, Диодор (XXIV.7) постулирует принцип, известный из ряда военных трактатов: планируемые стратегемы не должны раскрываться даже друзьям, так как через перебежчиков они могут стать известны врагам или породят неуверенность у собственных воинов, ожидающих большие опасности⁹. Авторы римского времени традиционно уделяли карфагенянам повышенное внимание, особенно в связи с перипетиями Второй Пунической войны. То, что терминологически было недосказано Диодором относительно Ганнибала Барки, развернуто представлено стратегемами Фронтинна (почти 40 эпизодов) и Полиэна (15 сюжетов).

Эпаминонд прибег к паре хитростей, чтобы поднять боевой дух фиванцев до сражения у Левктр (*Diod. XV.53.4*). Для Фронтинна подробности этого оказываются лишними. Он подтверждает, что полководец подкреплял уверенность воинов религиозной верой и оставляет лишь одну его уловку из двух (I.11.6). Полиэн обращается к событиям до и после битвы не меньше шести раз (I.10, II.1.13, 3.2–3, 9, III.9.28). Он развернуто пишет также о борьбе беотарха с суевериями непосредственно перед великим столкновением с Клеомбротом (III.3.8), меняя местами примеры религиозных манипуляций стратега, записанных Диодором.

На удивление мало приводит Диодор стратегем Александра Великого. Подобным образом он характеризует только захват царем

⁸ Фронтин оставил без внимания Дионисия Младшего и мало почтения выказал его отцу (I.8.11, III.4.3, 4). Полиэн отдал должное обоим правителям, объединив их в отдельной главе (V.2), а также упомянув в ряде эпизодов с другими греками (V.46, VI.11) и карфагенянами (V.9, VI.16.1–3).

⁹ *Onasand. X.9; Veget. III.6; Ps.-Mauric. VIII A.35, VIII B.23; Leo. Tact. III.8, XIX.63, XX.8, 89, 133, 220; cp. Val. Max. VII.4.5 = Front. I.1.12.*

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru